

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕПРАВОМЕРНЫМ ДЕЙСТВИЯМ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

П.Н. Сбирунов, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник
Академия управления МВД РФ
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2023-2-2-207-223

Аннотация. Автор на основе научного анализа литературных источников, результатов проведенных исследований, норм Уголовного кодекса РФ, а также норм других нормативных правовых актов, материалов судебной практики выделяет и рассматривает теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, анализирует объективные и субъективные признаки состава преступления, проблемные вопросы квалификации преступления, формулирует предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за неправомерные действия при банкротстве.

Ключевые слова: общественная опасность неправомерных действий при банкротстве; развитие действующего уголовного законодательства об ответственности за криминальное банкротство; конструктивные особенности объективной и субъективной стороны неправомерных действий при банкротстве и их совершенствование.

Неправомерные действия при банкротстве, как и другие преступления в сфере экономической деятельности, посягают на установленный порядок осуществления экономической деятельности и вкуче создают реальную угрозу экономической безопасности страны. Общественная опасность неправомерных действий при банкротстве заключается в том, что эти преступные действия, в случае массового проявления, могут вызвать цепную реакцию неплатежеспособности субъектов хозяйственной деятельности, что может повлечь наступление массы негативных последствий в производственной, кредитной, налоговой сферах, в сферах трудовой занятости населения.

Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство и фиктивное банкротство получили незначительное распространение. Согласно данным правоохранительных органов, в 2003 году, выявлено 451 преступное деяние данного вида, что составляет 0,1% от общего числа преступлений. При этом в суд направлено всего 111 дел (доля от общего числа оконченных расследований составляет 40,1%). Всего за преступления, предусмотренные ст. ст. 195-197 УК РФ, привлечен к уголовной ответственности 61

человек [1, с. 109]. Аналогичная картина наблюдается и в настоящее время. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 году за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство и фиктивное банкротство было осуждено 30 человек, что составляет 0,4% от всех осужденных лиц за преступления в сфере экономической деятельности [2]. Однако по данным НБКИ (Национальное бюро кредитных историй), в 2020 году число потенциальных банкротов в России превысило 1 млн. человек. Совокупное количество жителей России, имеющих кредит банка или заем микрофинансовой организации (МФО), на 1 апреля 2020 г. составило 42 млн. человек, увеличившись за полгода на 1,1 млн. человек. На рынке банковского кредитования распространена ситуация, когда заемщик имеет более одного вида кредита – число таких заемщиков на 1 апреля 2020 г. составило 12,8 млн. человек (на них приходится 54% долга по банковским кредитам) [3, 4]. В этой связи общественная опасность преступлений, связанных с банкротством, огромная потенциальная армия банкротов в России обуславливает актуальность криминологических и уголовно-правовых исследова-

ний проблем противодействия преступности в сфере несостоятельности (банкротства).

Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство и фиктивное банкротство установлена в российском уголовном законодательстве достаточно давно. Так, например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года имелись нормы об ответственности за:

- 1) злонамеренное банкротство;
- 2) соучастие в подлогах злонамеренного банкрота;
- 3) злостных должников за сокрытие имущества (перекрепления своего имущества или безденежной передачи оно в другие руки, или же посредством передачи оно с использованием подставных ложных заимодавцев) во вред неудовлетворенных заимодавцев;
- 4) непреднамеренное (неосторожное) банкротство;
- 5) сокрытие заемного письма несостоятельного должника, обеспеченное залогом, в ущерб другим взыскателям;
- 6) уклонение несостоятельных должников от предписанной законом обязанности сделать бланковые или полные передаточные надписи на представленных от него на конкурс или в присутственное место билетах кредитных установлений или акциях частных обществ или выдачи печати по вкладам от имени неизвестного, или сделать надлежащие объявления на имя Комиссии погашения долгов (ст. ст. 1582-1588) [5].

Уголовные кодексы 1922 г. и 1926 г. советского периода не содержали статьей об ответственности преступления, связанные с банкротством. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в первоначальной и последующих редакциях также не содержал таких статей, хотя в постсоветский период уже был принят Федеральный закон от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [6]. Неблагоприятная тенденция широкого распространения банкротств в России и необходимость защиты института несостоятельности (банкротства) уголовно-правовыми

средствами вынудила законодателя вновь включить в Уголовный кодекс РФ 1996 г. нормы об ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство и фиктивное банкротство (ст. ст. 195-197).

Объект преступления. Непосредственный объект неправомерных действий при банкротстве – установленный порядок признания несостоятельными (банкротами) юридических лиц, граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей. Под несостоятельностью (банкротством) понимается признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [7].

Вопрос об определении непосредственного объекта является дискуссионным. С точки зрения Н.А. Лопашенко, непосредственный объект неправомерных действий при банкротстве охватывает общественные экономические отношения, основанные на принципе добропорядочности субъектов экономической деятельности [8, с. 619]. По мнению С.П. Кубанцева объектом преступления в случае неправомерных действий при банкротстве выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу уголовно-правовой охраны установленного законом порядка признания должника банкротом, добровольного удовлетворения требований кредиторов, а также пропорционального и в соответствии с очередностью распределения конкурсной массы в результате применения процедуры банкротства [9, с. 94]. Хаперская К.С и Брыка И.И. указывают, что общим непосредственным объектом составов преступных посягательств, включенных в ст. 195 УК РФ, следует считать общественные отношения в сфере банкротства, которые складываются по поводу правомерного удовлетворения требований кредиторов и иных участников дела о банк-

ротстве, а также законодательно установленный порядок процедуры банкротства [10, с. 90].

Предметом преступления, исходя из содержания диспозиции ст. 195 УК РФ, выступают: 1) имущество; 2) имущественные права или имущественные обязанности; 3) сведения об имуществе, о его размере, местонахождении либо иная информация об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях; 4) бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя. Проведенные исследования показывают, что 75% уголовных дел о криминальных банкротствах возбуждаются в связи с неправомерным отчуждением, сокрытием или передачей имущества в иное владение [11].

Объективная сторона преступления. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, выражена несколькими альтернативными действиями: 1) сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях; 2) передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя; 3) сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

В качестве дополнительного обязательного признака объективной стороны преступления законодателем включена обстановка совершения преступления - наличие признаков банкротства. Статья 195 УК РФ не содержит примечания, в котором бы указывались признаки банкротства. С учетом анализа положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [7], по нашему мнению, можно выделить два основных признака банкротства, имеющих уголовно-правовое значе-

ние: 1) неплатежеспособность – прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств; 2) недостаточность имущества – превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника (ст. 2) При этом для наступления уголовной ответственности за неправомерные действия, указанные в ч. 1 ст. 195 УК, достаточно установление хотя бы одного признака банкротства. Констатация наличия признаков возможно, даже и тогда, когда отсутствуют условия принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом: а) если требования к должнику – юридическому лицу в совокупности составляют не менее чем триста тысяч рублей, к должнику-гражданину – не менее чем пятьсот тысяч рублей; б) указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены (п. 2 ст. 33), поскольку эти условия обязательны для принятия решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, а не уголовного преследования за неправомерные действия при банкротстве.

В специальной юридической литературе нет единого мнения о содержании признаков банкротства, предусмотренных ст. 195 УК РФ. Одни авторы включали в обстановку совершения неправомерных действий при банкротстве, в первоначальной редакции статьи, объективные предпосылки в виде наличия банкротства или состояния, предшествующего объявлению банкротства и создающего условия для предвидения банкротства: а) предусмотренные законом ситуации, при которых возникает обязанность по подаче заявления должника в арбитражный суд; б) обращение в арбитражный суд кредитора, прокурора, иных органов; в) предусмотренная законом обязанность предупреждения банкротства (Ю.И. Скуратов) [12, с. 832]. Другие, в связи с внесенными изменениями в уголовное законодательство и законодательство о банкрот-

стве, признаки банкротства определяли в точном соответствии со статьей 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (В.М. Лебедев, А.И. Парог), а именно: 1) гражданин считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате отдельных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества; 2) юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. При этом указывали, что в случае, если несмотря на наличие признаков банкротства арбитражный суд не вынесет в конечном счете решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, состав рассматриваемого преступления отсутствует [13, с. 528; 14, с. 565]. Третьи формулировали их в обобщенном виде с учетом анализа положений статей указанного закона. Так, Тхайшаов З.А. под признаками банкротства гражданина понимал: неплатежеспособность, существенность размера неисполненных требований (не менее 500 тыс. руб.), зрелость требований, длительность неисполнения требований (3 месяца). При этом отмечал, что для определения наличия обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве гражданина требуется установление всех четырех признаков, отсутствие любого из признаков исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 1 или ч. 2 ст. 195 УК РФ [15, с. 73].

Вместе с тем признаки банкротства как критерий возбуждения производства по делу о банкротстве и признаки банкротства как основание возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренного

ст. 195 УК РФ, необязательно должны совпадать по составу и иметь идентичное содержание, поскольку производство по делу о банкротстве и производство по уголовному делу имеют различное назначение. Производство по делу о банкротстве носит многоцелевой характер: оно имеет целью не только создание условий для соразмерного удовлетворения требований кредиторов путем конкурсного производства, реализации имущества гражданина, но и осуществление мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) посредством санации, финансового оздоровления, внешнего управления, реструктуризации долгов гражданина. Производство по уголовным делам о неправомерных действиях при банкротстве имеет целью обеспечить охрану установленного законом процедур банкротства посредством применения мер процессуального принуждения и мер уголовной ответственности. Поэтому, безусловно, уголовно-правовые нормы об ответственности за неправомерные действия при банкротстве и производство по этой категории уголовных дел в идеале должны применяться (при наличии процессуальных оснований) до принятия решения арбитражного суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства с тем, чтобы своевременно защитить кредитора от неправомерных действий должника и обеспечить высокую эффективность процедур, предусмотренных законом о несостоятельности (банкротстве). Законодателем первоначальная характеристика состава преступления изменена: в настоящее время уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве может наступить и до вынесения судом решения о несостоятельности и об открытии конкурсного производства. Такая оценка деяния побуждает сформулировать четкое понятие признаков банкротства в уголовном законодательстве, исключающее возможность произвольного применения норм законодательства о банкротстве и различного их толкования для определения понятий, содержащихся в нормах уголовного права.

В этой связи думается было бы целесообразным предусмотреть в ст. 195 УК РФ примечание, включив в него положение следующего содержания:

«Под признаками банкротства в статьях настоящей главы понимаются предусмотренные законодательством Российской Федерации неплатежеспособность и (или) недостаточность имущества должника, делающие неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей».

В качестве альтернативного варианта можно предложить такое решение: включить в статьи гл. 22 УК РФ, диспозиции которых содержат слова «признаки банкротства», пояснительные слова «неплатежеспособность и (или) недостаточность имущества», заключив их в круглые скобки.

Принимая во внимание, что для установления наличия признаков банкротства и крупного ущерба требуется проведение исследования с использованием знаний в сфере финансового анализа и бухгалтерского учета органы предварительного расследования и суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов. Указанное положение предлагаем включить в подготовленный к принятию проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством» [16].

Внесение таких изменений, по нашему мнению, позволит снять неопределенность в понимании конструктивных особенностей состава рассматриваемого преступления, повысит уровень выявления и раскрываемости правонарушений при банкротстве независимо от возбуждения производства в арбитражном суде и от стадии этого производства и тем самым обеспечит высокий уровень защищенности установленного порядка процедуры банкротства, а также качества восстановления

нарушенных недобросовестными должниками прав кредиторов.

Состав незаконного банкротства, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, имеет место только при наличии крупного ущерба. Согласно примечанию ст. 170.2 УК РФ, крупным ущербом признаются ущерб в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей. Наличие крупного ущерба является обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, который позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от административного правонарушения. Объективные признаки рассматриваемого преступления полностью совпадают с объективными признаками административного правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 14.13. КоАП РФ, единственным признаком, разграничивающим аналогичные по характеру действий преступления и административное правонарушение, является наличие или отсутствие крупного ущерба как общественно опасного последствия этих действий. Поэтому неправомерные действия при банкротстве должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 195 УК РФ при условии, что причиненный ущерб гражданам, организациям или государству такими действиями отнесен законодателем к крупному ущербу. Если неправомерные действия лица при банкротстве не содержат указанного условия, то уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава преступления. Этой позиции придерживается и судебная практика.

Постановлением Павловского районного суда Краснодарского края от 21 апреля 2011 года уголовное преследование в отношении З. прекращено по ч. 1 ст. 195 УК РФ в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Постановлением Краснодарского краевого суда в удовлетворении надзорной жалобы о пересмотре судебных актов по уголовному делу отказано по следующим основаниям. В связи со вступлением в законную силу ФЗ от 7 апреля 2010 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» крупный размер

ущерба и крупный доход, в том числе для целей статьи 195 УК РФ, определяется суммой 1.500.000 рублей, тогда как сумма ущерба, причиненного потерпевшему Г., составила 899.773 рубля, с учетом этого суд пришел к правильному выводу об удовлетворении ходатайства государственного обвинителя и обоснованно вынес постановление о прекращении уголовного преследования в отношении З. по ч. 1 ст. 195 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления), в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым законом [17].

Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за незаконное банкротство являются актуальными, исследователи рассматриваемой темы продолжают вносить на обсуждение предложения по совершенствованию действующих редакций статей УК РФ, предусматривающих ответственность за незаконное банкротство. В специальной юридической литературе обсуждается и обосновывается необходимость отказаться от понятия крупного ущерба как конструктивного признака составов преступлений, предусмотренных ст. 195, 196 и 197 УК РФ. Так, известный российский специалист экономического права И.А. Клепицкий считает, что составы преступлений, связанных с банкротством, целесообразно сформулировать как формальные, что значительно упростит уголовное преследование этих деяний и сделает его более эффективным. Существующие материальные составы практически исключают уголовное преследование деяний, объективно обладающих высокой степенью общественной опасности [18, с. 379]. Действительно, конструирование составов криминального банкротства по типу формальных упростит процедуру уголовного преследования недобросовестных должников, позволит устранить многие сложные вопросы уголовного судопроизводства, касающиеся

установления размера причиненного ущерба и момента окончания преступления, но может и создать непреодолимые барьеры для разграничения преступлений и административных правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства), и, вероятно, повлечь исключение из КоАП РФ составов правонарушений, предусматривающих административную ответственность за фиктивное и преднамеренное банкротство (ст. 14.12) и неправомерные действия при банкротстве (ст. 14.13). Административно-правовой способ защиты экономических интересов является основополагающим, как и уголовно-правовой, а размер причиненного ущерба является неизменным, надежным и обоснованным критерием для разграничения преступлений от административных правонарушений в области предпринимательской деятельности и определения конкретного способа защиты нарушенных прав. Достаточно упомянуть, что крупный размер ущерба лежит в основе отграничения административных правонарушений (кроме банкротных) от преступлений в целом ряде статей гл. 14 КоАП РФ, предусматривающих ответственность за нарушения в области предпринимательской деятельности (ст. ст. 14.1, 14.10, 14.11, 14.33, ч. 4 ст. 14.35 и др.). Нельзя также забывать, что ежегодно к административной ответственности за неправомерные действия в сфере несостоятельности (банкротства) привлекаются несколько тысяч недобросовестных должников. Согласно данным Судебного департамента ВС РФ, в 2020 году арбитражными судами субъектов Российской Федерации было рассмотрено 7160 административных дел о привлечении к административной ответственности за правонарушения. Связанные с банкротством, по 4628 из числа рассмотренных дел, или 64,6% случаях, судами удовлетворены требования уполномоченных органов о привлечении к административной ответственности [19]. Для сравнения можно указать, в 2020 году за преступления, связанные с банкротством, судами общей юрисдикции было осуждено 24 человека [20]. Радикальные изменения уголовной политики в сфере защиты установленного

порядка процедуры банкротства от угроз, связанных неправомерными действиями при банкротстве (их криминализация посредством исключения крупного ущерба), могут нарушить сложившийся баланс инструментов коррекции противоправной деятельности недобросовестных должников, в котором уголовно-правовым мерам воздействия отводится отнюдь не первое место. Как правильно указывается многими криминологами, что попытки решения проблем экономической преступности путем применения одних лишь уголовных репрессий в долгосрочной перспективе обречены на поражение [21, с. 23]. Общественная опасность неправомерных действий при банкротстве складывается из всех признаков совершенного деяния, а размер причиненного ущерба является, пожалуй, ключевым критерием отнесения подобных действий к преступным и обуславливает необходимость назначения виновным лицам уголовного наказания. Попытка отказаться от такого критерия только в силу их массового распространения в сфере несостоятельности (банкротства) нельзя признать оправданным.

Последние изменения уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере банкротства (в частности, установление уголовной ответственности контролирующих должника лиц) свидетельствуют, что законодатель обеспокоен сложившимся состоянием защиты интересов кредиторов от неправомерных действий должников при банкротстве. Обеспокоенность законодателя понятна. В пояснительной записке Комитета Государственной Думы ФС РФ по государственному строительству и законодательству к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывается, что в 70% завершенных процедур банкротства отсутствует погашение задолженности перед кредиторами, в том числе и перед бюджетом Российской Федерации. В последующем непогашенная задолженность списывается, а виновные в причинении ущерба кредиторам лица остаются безнаказанными [22]. Эффективность противодействия преступлениям в

сфере банкротства и эффективность процедур банкротства, по нашему мнению, во многом бы повысились, если бы, наряду с внесенными изменениями, внести дополнительные, скорректировав составы о банкротных преступлениях таким образом, чтобы размер ущерба являлся одновременно и конструктивным признаком составов и квалифицирующим обстоятельством таких преступлений: основные составы преступлений предусматривали ответственность за неправомерные действия, связанные с банкротством, если деяния создали угрозу причинения крупного ущерба, а квалифицированные - если деяния причинили соответственно крупный и особо крупный ущерб. Такие изменения, хотя и преобразуют материальные составы банкротных преступлений в формальные, но затрагивают только их основные составы, при этом, коренным образом не ломая сложившийся механизм правовых инструментов коррекции противоправной деятельности недобросовестных должников, позволяют расширить уголовно-правовой сегмент защиты установленного порядка процедуры банкротства и тем самым поднять уровень восстановления нарушенных прав кредиторов.

Субъективная сторона преступления. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, может характеризоваться наличием как умышленной, так и неосторожной формы вины. Конструктивные особенности состава рассматриваемого преступления не позволяет отнести совершаемое деяние только умышленно или только по неосторожности. Доминирующая правовая позиция судебной практики о субъективной стороне неправомерных действий при банкротстве состоит в том, что уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым умыслом.

В теории уголовного права сложилось единодушное мнение о содержании признаков субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, расхождение позиций наблюдается лишь при конкретизации вида умысла. Боль-

шинство исследователей считают, что преступления, связанные с банкротством, совершаются умышленно, т.е. предумышленно или преднамеренно [1, 23, 24, 25], поскольку преступный умысел формируется у виновного лица заранее, задолго до процедур банкротства, субъект, совершая сокрытие, передачу, отчуждение или уничтожение имущества, сокрытие, уничтожение, фальсификацию бухгалтерских и иных учетных документов должника, преследует определенную цель – исключить включение в конкурсную массу имущества должника и тем самым уклониться от исполнения требований кредиторов в рамках установленных законом процедур банкротства, руководствуется корыстными побуждениями – извлекает материальную выгоду для себя и (или) других лиц. Противоправная деятельность, связанная с банкротством, как показывает судебная практика, представляет собой систему замаскированных неправомерных действий, совершаемых в течение длительного времени и осуществляемых по тщательно продуманному плану, в эту деятельность вовлекается большое количество юридических и физических лиц с сомнительной деловой репутацией, из которой невозможно установить их реальную финансово-хозяйственную деятельность, местонахождение, местонахождение их имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих им денежных средств и иных ценностей [26].

Общеизвестно, что субъективная сторона преступления, характеризуется следующими признаками: вина, мотив, цель преступления и эмоциональное состояние субъекта преступления в момент совершения противоправного посягательства. Конструктивные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы не поименованы. Исходя из анализа положений ст. 24 УК РФ, неправомерные действия при банкротстве, предусмотренные ч. 1 ст. 195 УК РФ, могут совершены как умышленно, так и по неосторожности, что не вполне согласуется с правовой позицией судов и авторитетными мнениями уче-

ных. Еще большая неопределенность касается других признаков субъективной стороны рассматриваемого преступления, в частности мотива и цели, которые могли бы указать на форму и виды вины, подчеркнуть уникальность неправомерных действий при банкротстве и выделить их среди других смежных преступлений, поскольку уголовный закон эти признаки не указывает. Безусловно, это недостаток уголовно-правовой нормы (ч. 1 ст. 195 УК), который требует устранения.

Анализ предшествующих и ныне действующих редакций статей Уголовного кодекса РФ об ответственности за криминальное банкротство показывает, что в целом законодатель стремился и стремится к созданию юридической конструкции норм, которые бы включали субъективные признаки состава преступления. Первоначальная редакция ст. 196 УК РФ прямо указывала на форму вины в приводимом понятии преднамеренного банкротства, под которым понималось умышленное создание или увеличение неплатежеспособности, а также содержала такой обязательный субъективный признак, как мотив – личный интерес и интересы других лиц. Первоначальная редакция ст. 197 УК РФ включала специальную цель фиктивного банкротства – введение в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов.

Современные редакции статей Уголовного кодекса РФ об ответственности за криминальное банкротство также содержат указания форму вины, посредством использования термина «заведомость». Обычно наличие этого термина связывается с умышленной формой вины. Эти указания содержатся в ч. 2 ст. 195, ст. 196 и ст. 197 УК РФ. В отличие от диспозиций, в которых содержатся субъективные признаки вышеназванных составов преступлений, в диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ форма вины не конкретизирована, принимая во внимание, что в уголовном законе указание на неосторожный характер причинения крупного ущерба отсутствует, то неправомерные действия при банкротстве

могут быть совершены умышленно или по неосторожности. Правда, указанием на умышленный характер преступления может свидетельствовать: во-первых, название статьи – «Неправомерные действия при банкротстве». В теории уголовного права считается, что противозаконные (неправомерные) действия являются предметом не только сознания, но и воли: намеренное их совершение означает умышленную форму вины. Во-вторых, использование законодателем таких терминов, как «сокрытие», «фальсификация», означает их оценку как совершенных при умышленной форме вины. В-третьих, на умышленную форму вины также указывает наличие в рассматриваемой статье, квалифицированного состава преступления, предусматривающего ответственность за совершение деяния, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, поскольку с учетом положения ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [27, с. 168-173]. К сожалению, теоретические положения, определяющие правила установления формы вины в конкретных преступлениях, носят характер рекомендаций, а не обязательных правил, да и к тому же эти правила могут допускать неоднозначное их толкование. Поэтому лучший вариант – это указать признаки субъективной стороны состава преступления непосредственно в самом уголовном законе.

Один из вариантов прямого указания в законе на умышленную форму вины неправомерных действий при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ) – это использование в диспозиции статьи, при перечислении действий, выражающих объективную сторону преступления, термина «умышленные». Тогда, к примеру, первая часть диспозиции нормы может выглядеть следующим образом; «*Умышленные* сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во

владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя».

Другой вариант показателя вины в форме умысла может стать указание в статье на мотив и цель совершения преступления. Во многих комментариях к Уголовному кодексу РФ, учебниках по уголовному праву и научных публикациях, при характеристике субъективной стороны преступления, анализ мотива и цели неправомерных действий при банкротстве упускается либо указывается, что мотивы и цели не являются обязательными признаками состава преступления и на квалификацию деяний не влияют [13, 14, 28, с. 516, 29, с. 75, 30, с. 184]. Действительно, уголовный закон не связывает наличие состава данного преступления с определенным мотивом или целью. Однако в случае совершения неправомерных действий при банкротстве с корыстной целью, т.е. с намерением безвозмездного обращения имущества должника в свою пользу или в пользу третьих лиц, уголовно-правовая оценка изменится: деяние в этом случае следует рассматривать как хищение и в зависимости от способа хищения квалифицировать по ст. 159 (ч. 5-7) УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, либо по ст. 160 УК РФ, предусматривающей ответственность за присвоение или растрату. В этой связи для правильной квалификации и разграничения преступлений возникает необходимость установления намерения (мотива и цели) лиц, совершающих неправомерные действия при банкротстве. Такая необходимость возникает еще не только потому, что требуется правильно применить уголовный закон (правильно указать на пункт, часть, статью УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление), но и для того, чтобы провести границу между преступным и неправомерным поведением.

В специальной юридической литературе акцентируется внимание на том, что размежевание криминального и гражданско-правового банкротства проходит по криминалообразующим признакам как объек-

тивной стороны – причинение крупного ущерба, документальный обман, так и субъективной стороны – умысел, низменность мотивов и целей [31, с. 231]. Подчеркивается, что злостное банкротство в отличие от простого (в нашей стране уголовно не наказуемого – прим. авт.) с субъективной стороны характеризуется умышленной виной, когда субъект вполне или отчасти симулирует несостоятельность, употребляет разные меры для умышленного сокрытия действительного своего имущественного положения с целью избежать полного платежа долгов. В этой связи злостное банкротство может рассматриваться в качестве разновидности мошенничества. Отличие злостного банкротства от мошенничества – в специфике приобретаемой путем обмана имущественной выгоды: банкрот путем обмана уклоняется от исполнения обязательств [18, с. 260-262], мошенник путем обмана завладевает чужим имуществом. В свое время известный российский ученый-юрист И.Я. Фойницкий писал, что «банкротство корыстное (обманное, подложное, злостное, злонамеренное) есть умышленное сокрытие собственного имущества должником, впадшим в несостоятельность, с целью получить имущественную выгоду, избежать платежа долгов кредиторам» [32, с. 386]. Важно отметить, что при анализе содержания субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, отдельными авторами указывается на неудачное описание законодателем конструктивных признаков неправомερных действий при банкротстве, в частности о том, что законодатель упустил из виду субъективную составляющую криминальности «злостного» банкротства – намерение (цель) причинить ущерб [33, с. 54]. На аналогичные технико-юридические ошибки законодателя при конструировании диспозиций норм главы 22 УК РФ обращают внимание другие специалисты, отмечая, что из всех статей главы 22 УК РФ, только в пяти из них упоминается мотив преступления и в восьми – цель, что делает нормы этой главы фактически неработающими [34, с. 9-10].

С учетом изложенного считаем целесообразным изменить законодательную формулировку ч. 1 ст. 195 УК путем указания на мотив и цель преступного посягательства и изложить в следующей редакции:

«Сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены *из корыстной или иной личной заинтересованности в целях уклонения от удовлетворения требований кредиторов* при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса, – наказываются...».

Субъект преступления. Субъект преступного посягательства, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, – общий. Им является физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. До внесения изменений в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 19 января 2005 г. № 161-ФЗ субъектом преступного посягательства, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, являлось лицо, обладающее специальными признаками субъекта преступления. Согласно первоначальной редакции статьи им являлся руководитель или собственник организации – должника либо индивидуальный предприниматель. Как показывает анализ судебной практики, несмотря на внесенные изменения в уголовный закон, контингент лиц, совершающих это преступление, не претерпел существенных изменений и остается прежним – индивидуальный предприниматель, руководитель организации, учредители юридического лица.

Что же касается других преступлений, связанных банкротством: неправомерное удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов – ч. 2 ст. 195 УК РФ, преднамеренное банкротство – ст. 196 УК РФ, фиктивное банкротство – 197 УК РФ, то уголовный закон по-прежнему указывал на специального субъекта преступления – руководителя или учредителя (участника) юридического лица либо гражданина-банкрота, в том числе индивидуального предпринимателя. Исключение составляло незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации или иной финансовой организации – ч. 3 ст. 195 УК РФ, субъектом этого преступления мог быть и общий – любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ [35] в ст. 195 и 196 УК РФ были внесены существенные изменения: законодатель исключил из диспозиций статей, в которых описаны признаки основных составов преступлений, указание на специального субъекта преступления (руководитель или учредитель (участник) юридического лица либо гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель) и одновременно установил повышенные меры ответственности за неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица (ч. 1.1., ч. 4 ст. 195 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ), а также за неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, совершенное арбитражным управляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лиц (ч. 2.1. ст. 195 УК РФ). Таким образом, законодатель не отказался от признаков специального субъекта преступления, он им предал более высокую значимость, сконструировав

с их помощью квалифицированные составы преступлений, связанные с криминальным банкротством.

Внесенные изменения в уголовное в уголовное законодательство, по мнению Комитета Государственной Думы ФС РФ по государственному строительству и законодательству, были обусловлены тремя обстоятельствами. Во-первых, умышленное доведение организаций до формальных признаков банкротства с последующим отчуждением материальных ценностей в пользу подконтрольных коммерческих структур приняло широкое распространение, что препятствовало полному погашению требований кредиторов в рамках проводимых процедур банкротства. Так, в 2019 году после завершения процедуры конкурсного производства, реструктуризации долга или реализации имущества должника общая сумма долга составила 2 182 317 045 тыс. рублей, при этом размер удовлетворенных требований кредиторов составил всего 130 723 086 тыс. рублей. Во-вторых, модернизация уголовного законодательства об ответственности за криминальное банкротство связано с разрешением проблемы установления бенефициарных связей и их влияния на достижение преступного результата. Уголовное преследование бенефициаров (выгодоприобретателей) преступного бизнеса было крайне затруднительно в силу сложности доказывания умысла последних на достижение общественно опасных последствий: не имея формальных связей с предпринимательской деятельностью организации, такие субъекты могли ссылаться на то, что они не являются ответственными за организацию бухгалтерского учета лицами и не принимают участие в сделках, которые повлекли причинение вреда имущественным правам кредиторов. В-третьих, в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» было введено новое понятие «контролирующее должника лицо», под которым понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до приня-

тия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий [22].

Заключение. На основании анализа специальной юридической литературы, норм уголовного законодательства об ответственности за неправомерные действия при банкротстве и практики их применения можно сделать следующие выводы:

1) неправомерные действия при банкротстве, как и другие преступления, связанные с банкротством, посягают на установленный порядок осуществления экономической деятельности и вкпе создают реальную угрозу российскому бизнесу и экономической безопасности страны;

2) краткий экскурс развития уголовного законодательства России свидетельствует, что становление и развитие уголовно-правового института ответственности за криминальное банкротство неразрывно связаны с процессом развития российского государства, особенностями его политического устройства и экономической системы. В настоящее время, в условиях развития и совершенствования рыночной экономики в России, неблагоприятной тенденция широкого распространения банкротств в России и необходимости защиты гражданско-правового института несостоятельности (банкротства) уголовно-правовыми средствами, уголовно-правовой институт ответственности за криминальное банкротство реанимирован Уголовным кодексом РФ 1996 г. и динамично развивается;

3) непосредственный объект неправомерных действий при банкротстве является – законодательно установленный порядок признания несостоятельными (банкротами) юридических лиц, граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, являющийся необходимым условием оздоровления экономики, а также защиты прав и законных интересов собственников организаций, должников и кредиторов. Предметом преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, выступают: имуще-

ство; имущественные права или имущественные обязанности; сведения об имуществе, о его размере, местонахождении либо иная информация об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях; бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя;

4) объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, выражена несколькими альтернативными действиями: сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях; передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя; сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя;

5) с учетом современной редакции ст. 195 УК РФ уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве может наступить и до вынесения судом решения о несостоятельности и об открытии конкурсного производства. Такая оценка деяния побуждает сформулировать четкое понятие признаков банкротства в уголовном законодательстве, исключающее возможность произвольного применения норм законодательства о банкротстве и различного их толкования для определения понятий, содержащихся в нормах уголовного права. В этой связи думается было бы целесообразным предусмотреть в ст. 195 УК РФ примечание, включив в него положение следующего содержания:

«Под признаками банкротства в статьях настоящей главы понимаются предусмотренные законодательством Российской Федерации неплатежеспособность и (или) недостаточность имущества должника, делающие неспособным удовлетворить тре-

бования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей»;

б) принимая во внимание, что для установления наличия признаков банкротства и крупного ущерба требуется проведение исследования с использованием знаний в сфере финансового анализа и бухгалтерского учета органы предварительного расследования и суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов. Указанное положение предлагаем включить в подготовленный к принятию проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам, о преступлениях, связанных с банкротством»;

7) наличие крупного ущерба является обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 195, 196 и 197 УК РФ, который позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от административно-правового деликта. Попытка отказаться от крупного ущерба как конструктивного признака криминального банкротства может нарушить сложившийся баланс инструментов коррекции противоправной деятельности недобросовестных должников, в котором уголовно-правовые меры воздействия занимают отнюдь не первое место;

8) по нашему мнению, перспективным путем совершенствования уголовного законодательства об ответственности в сфере банкротства является не криминализация преступных действий, связанных с банкротством, посредством исключения из диспозиций статей Уголовного кодекса РФ общественно опасного последствия в виде крупного ущерба, а дифференциация ответственности за их совершение с учетом этого объективного признака. В этой связи было целесообразным скорректировать составы о банкротных преступлениях таким образом, чтобы размер ущерба являлся одновременно и конструктивным признаком составов, и квалифицирующим обстоятельством таких преступлений: основ-

ные составы преступлений предусматривали ответственность за неправомерные действия, связанные с банкротством, если деяния создали угрозу причинения крупного ущерба, а квалифицированные – если деяния причинили соответственно крупный и особо крупный ущерб. Такие изменения, хотя и преобразуют материальные составы банкротных преступлений в формальные, но затрагивают только их основные составы, при этом, коренным образом не ломая сложившийся механизм правовых инструментов коррекции противоправной деятельности недобросовестных должников, позволяют расширить уголовно-правовой сегмент защиты установленного порядка процедуры банкротства и тем самым поднять уровень восстановления нарушенных прав кредиторов;

9) конструктивные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы не поименованы. Исходя из анализа положений ст. 24 УК РФ, неправомерные действия при банкротстве, предусмотренные ч. 1 ст. 195 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, что не вполне согласуется с правовой позицией судов и авторитетными мнениями ученых. Безусловно, это недостаток уголовно-правовой нормы, который требует устранения. Поэтому лучший вариант – это указать признаки субъективной стороны состава преступления непосредственно в самом уголовном законе. Один из вариантов прямого указания в законе на умышленную форму вины неправомерных действий при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ) – это использование в диспозиции статьи, при перечислении действий, выражающих объективную сторону преступления, термина «умышленные», Другой – дополнить законодательную формулировку ч. 1 ст. 195 УК, включив в нее мотив и цель преступного посягательства. и изложить в следующей редакции:

«Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или

имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника - юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены *из корыстной или иной личной заинтересованности в целях уклонения от удовлетворения требований кредиторов* при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса, – наказываются...».

10) до недавнего времени наличие специальных признаков субъекта преступления являлось необходимым условием привлечения к уголовной ответственности виновных лиц за совершение банкротных преступлений в качестве их исполнителей. Субъектами преступлений, предусмотренных ст. 195 и 196 УК РФ, могли быть руководители юридического лица или его учредители (участники) либо индивидуальные предприниматели. Федеральным законом от 19 января 2005 г. № 161-ФЗ, а затем Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ в ст. 195 и 196 УК РФ были внесены существенные изменения: законодатель исключил из диспозиций

статей, в которых описаны признаки основных составов преступлений, указание на специального субъекта преступления, и одновременно установил повышенные меры ответственности за неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица, а также арбитражным управляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором). Тем самым законодатель не отказался от признаков специального субъекта преступления, он им предал более высокую значимость, сконструировав с их помощью квалифицированные составы преступлений, связанные с криминальным банкротством. Внесенные изменения в уголовное в уголовное законодательство были связаны, во-первых, с широким распространением умышленного доведения организаций до формальных признаков банкротства с последующим отчуждением материальных ценностей в пользу подконтрольных коммерческих структур, во-вторых, с разрешением проблемы установления бенефициарных связей и их влияния на достижение преступного результата, и, наконец, в-третьих, в введении в законодательство о несостоятельности (банкротстве) нового понятия «контролирующее должника лицо».

Библиографический список

1. Пустяков А.В. Уголовное банкротство: некоторые аспекты субъективной стороны и субъекта в преступлениях, предусмотренных статьями 195, 196, 197 УК РФ // Закон. 2006. С. 109-118.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год // Статистика Судебного департамента ВС РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 10.01.2023).
3. Итоги 2020 года в области банкротства России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.novostibankrotstva.ru/2020/09/24/chislo-potentsialnyh-bankrotov-v-rossii-prevysilo-1-mln-2/> (дата обращения: 10.01.2021).
4. Анализ динамики долговой нагрузки населения России в IV квартале 2019 – I квартале 2020 года на основе данных бюро кредитных историй // Информационно-аналитический материал. Центральный банк РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/content/document/file/112270/inf-material_bki_2020q1.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 15.01.2023).
6. Федеральный закон от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.
7. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
9. Кубанцев С.П. Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений в сфере банкротства // Журнал российского права. – 2015. – №7. – С. 86-96.
10. Хаперская К.С., Брыка И.И. Непосредственный объект преступных посягательств в сфере банкротства // Закон и право. – 2019. – № 6. – С. 89-90.
11. Шестакова А. Криминальное банкротство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/30011-kriminalnoe-bankrotstvo> (дата обращения: 20.01.2021).
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 3-е издание, дополненное и измененное. – М.: ИФРА-М-НОРМА, 2000. – 1534 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. 7-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 1060 с.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Проспект, 2011. – 990 с.
15. Тхайшаов З.А. Обстановка совершения преступления как обязательный признак неправомερных действий при банкротстве гражданина-должника // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 69-73.
16. Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawtech.ru/document/proekt-postanovleniya-plenuma-verhovnogo-suda-rossijskoj-federatsii-%C2%ABo-nekotoryh-voprosah-s?ysclid=ldn6op02sf250719419> (дата обращения: 20.01.2023).
17. Постановление Краснодарского краевого суда от 11.12.2013 № 4у-8289/13 // СПС Консультант Плюс.
18. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. – М.: Статут, 2005. – 572 с.
19. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов Российской Федерации за 2020 год. Оперативный отчет о работе всех арбитражных судов Российской Федерации. Раздел 6. Рассмотрение дел об административных правонарушениях арбитражными судами Российской Федерации (о привлечении к административной ответственности) // Статистика Судебного департамента ВС РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670> (дата обращения: 21.01.2022).
20. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год // Статистика Судебного департамента ВС РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 21.01.2022).
21. Организация предупреждения правонарушений в сфере экономики: учебник для бакалавров / В. И. Авдийский [и др.]; под общ. ред. В. И. Авдийского, Ю. В. Трунцевского. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 272 с.
22. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации» (Комитет Государственной

Думы по государственному строительству) // Информационный ресурс Государственной Думы ФС РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1099900-7> <https://sozd.duma.gov.ru/download/D5C41097-1C6C-4CC8-AAA9-6A4EF50E12BF> (дата обращения: 28.01.2022).

23. Колб Б. Субъективная сторона криминальных банкротств // Законность. – 2001. – № 6. – С. 35-36.

24. Пивоварова Н.Н. Субъективная сторона неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ): актуальные вопросы теории и правоприменительной практики // Общество и право. – 2009. – № 1. – С. 197-200.

25. Лясколо А. К вопросу о субъективных признаках криминальных банкротств (ст. 195-197 УК РФ) // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 35-40.

26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 июня 2020 г. № Ф05-4264/15 по делу N А40-137003/2013 // СПС Гарант.

27. Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 2. – С. 161-176.

28. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова; 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «Проспект», 2021. – 1137 с.

29. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 195—197 УК РФ: учебное пособие / Ю.В. Морозова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2012. – 80 с.

30. Смирнов С.А. Характеристика субъективных признаков неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротств // Образование и право. – 2017. – № 4. – С. 179-185.

31. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 336 с.

32. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства на личность и имущество. – СПб., 1893. – 440 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003627981/ (дата обращения: 14.04.2022).

33. Прокументов Л., Махно Е. Неправомерные действия при банкротстве // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 49-54.

34. Кузнецов А.П., Маслова Е.В. Проблемы конструирования мотивов и целей преступлений в сфере экономической деятельности // Российский следователь. – 2007. – № 14. – С. 9-11.

35. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. N 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5069.

**CRIMINAL-LEGAL ASPECTS OF COUNTERING ILLEGAL ACTIONS
IN BANKRUPTCY**

P.N. Sbirunov, *Doctor of Law, Senior Researcher*

**Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
(Russia, Moscow)**

***Abstract.** The author on the basis of the scientific analysis of references, results of the conducted researches, standards of the Criminal code of the Russian Federation, and also standards of other regulations, jurisprudence allocates and considers theoretical and practical problems of criminal liability for bringing to suicide, analyzes objective and subjective signs of *corpus delicti*, problematic issues of qualification of a crime, formulates suggestions for improvement of the criminal legislation on responsibility for bringing to suicide.*

***Keywords:** public danger of illegal actions in bankruptcy; development of the current criminal legislation on liability for criminal bankruptcy; design features of the objective and subjective side of illegal actions in bankruptcy and their improvement.*